

Специальный мастер-класс: в тылу врага

Тео Чун

На фоне остальных мастер-классов, которые проводились на этот раз в связи с активизацией Асаки (Тео не так давно отпросился в монастырь, сбежав из отчего дома, где за ним неусыпно следила матушка, потому что свежий воздух, здоровое питание и отдых - вот что надо его израненному вдребезги телу, которое еще не до конца восстановилось после памятной засады), то задание, которое собирался дать Тео, поддавшись всеобщему ажиотажу, ведь обычно Тео не проводил мастер-классы, были из всех самым тихим. Тео был вором. Он никогда не шел напролом, предпочитая обходные пути. И этот мастер-класс мог научить остальных пониманию, что не всегда хороша грубая сила. И уж конечно тут не нужно будет тащить на себе многокилограммовый рюкзак с камнями. Он ждал остальных у мастерской, и прямо таки весь светился от воодушевления.

- Всем привет, - лучезарно поздоровался он с подошедшими. - Надеюсь, все знают расхожее выражение, что лучшая защита - это нападение? Особенно когда противник не ждет от тебя ровным счетом никаких решительных действий. Но сегодня вы не будете нападать в прямом смысле этого слова, но сможете не меньше, чем в прямом нападении, проверить свои навыки. Представим, что из монастыря были украдены Очень Ценные Документы. Можно, конечно, собрать армию из мастеров и сочувствующих, чтобы их вернуть, но мы точно знаем, что численность противника превосходит нашу во много раз. А, значит, нужно добыть эти документы так, чтобы обойтись минимальными потерями. В идеале - чтобы остаться незамеченным.

Тео в предвкушении потер руки. Участвовал бы сам - настал бы пик его воровской карьеры.

- Еще мы точно знаем, что штаб-квартира противника располагается в здании в деревне внизу, у него еще такой флюгер в виде китайского дракона. Так как вас много, то у каждого будут свои ориентиры на свою точку назначения, хватит на всех. Каждая штаб-квартира наверняка надежно охраняется, но мы не знаем, как именно. Вам и предстоит это выяснить и вернуть каждый по одному документу. Пользоваться можете всем, чем угодно, хотите - магией, хотите - подручными средствами, а хотите - боккенами. Это сделано в целях безопасности, потому что в деревне много простых мирных жителей, и противник может маскироваться под какого-нибудь фермера, а нам не нужны проблемы с местными и травмы. Поэтому оружие у вас, если вы его выберете, будет сугубо тренировочное. Ну и мало ли, чтобы сами себе руки не отрезали. Говорю еще раз - вы должны остаться незамеченными, иначе задание будет провалено. Не попадайтесь. Ведь мало того, чтобы добыть документ, нужно еще вернуться обратно. Даю вам двенадцать часов на выполнение, так что после десяти вечера чтобы все были в монастыре с документами или без оных.

Тео специально умолчал о том, что деревенские, участвующие в заговоре, были

осведомлены о том, что в монастыре проводятся эти так называемые учения. Они не знали ни кто будет участвовать, ни когда по времени участники подойдут к деревне и ступят на ее пределы, но обещали следить внимательнее и поспособствовать поимке подозрительных личностей.

Младший из близнецов умолчал и о том, что сараи, служившие импровизированными штаб-квартирами, напичканы ловушками, а снаружи периметр каждого патрулирует двое местных, выраженных в косухи, банданы и с устрашающими битами в руках, которыми, к счастью, им не разрешено пользоваться. На этом балагане настоял лично Тео, и хорошенько повеселился, устраивая эти засады. Например, во многих дворах обещали спустить с цепей сторожевых псов в намордниках. Укусить не укусят, но шум поднять могут, да и спугнут, если что. Все сараи были примерно однотипными - старые амбары, освобожденные от запасов сена на один день. На амбарной двери снаружи висят замки, открытые, но по виду все равно что запертые, изнутри к ним подвешено по колокольчику, который будет звенеть от малейшего движения двери. Пространство под окнами под потолком усыпано засохшей листвой и сухими ветками, которые шуршат и хрустят, когда на них наступаешь. Лестница, ведущая в подпол, ржаво скрипит несмазанными перекладинами, а в ящике где старого письменного стола, где комода, а где и тумбочки, был устроен секрет - взлетающее в воздух маленькое облачко черного перца. Много вреда оно не принесет, зато не все смогут удержаться от соблазна громко чихнуть. И по закону жанра дощатый пол потрескивал разошедшимися досками, неплотно пригнанными друг к другу.

Наконец, сообщив каждому примерные ориентиры, где стоят сараи, без конкретных адресов, Тео отошел с прохода мастерской, освобождая путь и благославляя на подвиги.

Приглашаются все желающие. Мастер-класс продлится до 27.05. Игровое время - лето, 10 утра, тепло, солнечно, но ветрено.

Николай Триколенко

Узнав, что мастера, наконец-то, продрали глаза и соизволили обеспокоиться угрозой, исходящей от Асаки, радости Николая не было предела. Вокруг монастыря ситуация напоминала стих Твардовского "заняла война полсвета, стон стоит второе лето", а в монастыре скорее вспомнился бы кусок анекдота "эстонские пограничники подняты по тревоге".

Но лучше поздно, чем никогда. И, надо отдать должное, к делу мастера отнеслись серьезно. Вот и задание, что устроил ученикам Тео, было... скажем так, без предварительной подготовки выполнить задание, даже магу было бы проблематично. Тем более, не устраивая разрушений. А уж ограничение по времени, при котором необходимо было выполнить все днем, украинца здорово разозлило: магия магией, а на такие задания днем пошел бы только сумасшедший.

- Ну ладно, - проворчал Николай по русски, едва выслушал краткую вводную Тео и получил ориентиры, - будем играть без жертв, но грязно.

Заодно было любопытно, как задание будут выполнять другие ученики. Немногие из них имели хоть какие-то навыки или знания по организации диверсий. Конечно, магия могла компенсировать недостаток знаний и навыков... при наличии хорошей соображалки. Но все равно, как собирался действовать тот же Курук, прочно

ассоциировавшийся у Николая с гоблинской песней "не бей меня мама железным молотком по голове" - непонятно. Да это и не играло роли: землю - рабочим, заводы - крестьянам, глюки - программам, амбары с документами - ученикам монастыря. Каждому свой, и о себе пора было побеспокоиться.

Итак, двенадцать часов. Времени, вроде бы, и много, но, как известно, вечность имеет обыкновение проходить очень быстро. Так что можно было успеть все сделать спокойно и неспеша, если не расслаживаться.

В первую очередь, в таких делах всегда шла разведка. Глупо было бы лезть просто так, не зная ничего о противнике, о мерах безопасности... Николаю в этом плане было легче: у него имелась хоть какая-то подготовка, да и опыт скрытных проникновений был. Хотя... в тот раз они с Юэ все-таки напортачили, хоть задание и выполнили. А сейчас он был один, и задача была безопаснее, но сложнее: все-таки, здесь следовало обеспокоиться еще и жизнью и здоровьем деревенских, а не просто взорвать корабль к такой матери. Аккуратно, без жертв, без поддержки, без снабжения и с минимальной подготовкой.

- Где же ты, деда, когда ты так нужен...

Это Николай бурчал себе под нос уже проходя монастырские ворота. Впрочем, дедуля и так уже передал внуку массу информации, а противник был... знать бы какой. Конечно, навряд ли Тео, или даже старшие мастера приготовили здесь колючую проволоку, емкостные сигнализации, специально обученных собак и пулеметы на вышках. Да и в погоню за Николаем, если что, вертолеты не пошлют. Но вот помогали ли "условному противнику" мастера монастыря? Вполне ведь могли изображать вражеских магов. А это что значило? То, что следовало быть предельно осторожным.

Путь вниз к околице деревни занял около полутора часов: по дороге можно было дойти и за час, а добежать и того быстрее, но сейчас соваться на главную улицу деревни, где условных объектов противника было как блох на барбоске - редкая глупость. И Николай, перекинувшись росомхой, шмыгнул в дыру под забором одного из дворов.

Тео, молодец, вместо адресов дал ориентиры. Так и делали специалисты, чтобы человек в незнакомом месте мог быстро сориентироваться, а не пялился на таблички на незнакомых языках как баран на новые ворота. Вот и Николай, вычислив приметное здание с зеленой крышей в стороне от рыночной площади, начал в зверооблике пробираться туда. Предварительно, уже в зверооблике, пришлось сделать небольшой крюк, чтобы ветер сносил росомаший запах хоть немного в сторону. Найти удобную дыру в заборе, и даже немного раскопать лаз, чтобы удобнее было - пара пустяков. Ну а дальше - росомашьи органы чувств вместе с человеческим разумом сделали свое дело: амбар, условно помеченный как штаб-квартира, находился во дворе одного из деревенских жителей. Во дворе обнаружились две сторожевые собаки в намордниках, и трое охранников: глава семейства и двое сыновей, выряженных как гламурные гопники. Из оружия у них были только биты, даже муляжей винтовок не было. Такое горе-воинство даже обижать было стыдно, тем более, что с этой семьей, как и с остальными семьями в деревне, у жителей монастыря сложились неплохие отношения: не первый год знакомы, часто торговали с ними, продавая выращенное в монастыре и покупая то, что сами произвести не смогли, а один раз вместе с главой семьи получали по горбу

от его супруги за то, что под курятником тихонько распивали... совсем не чай... И тут в росомашьей башке зародилась мысль, и Николай начал ее думать. Проскользнуть к курятнику можно было через заросли, забраться внутрь в зверооблике - не проблема, а дальше - дело техники. И все, что нужно, можно было найти в монастыре. Проблемой были только собаки, но они - в намордниках, и росомаху скорее боятся, так что... кроме шума ничего не будет, а у "мафиозников" скоро прибавится проблем и вопросов...

Выбраться обратно за пределы деревни, все также, в зверооблике, было нетрудно. Там - перекинуться в человека и быстрым шагом до монастыря, выйдя на дорогу в километре от деревни: все равно деревню в опорный пункт не превратили, и можно было здорово сэкономить время и силы. В монастыре парень в первую очередь метнулся в столовую, где перекусил, глотнул воды и набрал мешочек зерна, который положил во внутренний карман куртки. Затем - в лазарет, где выпросил у дежурного медицинскую клизму. На вопрос "зачем", парень только ехидно ухмылялся. Последним пунктом была собственная комната, где во флягу была налита самогонка, и еще одна пластиковая бутылочка на четверть литра, с водой, была помещена во внутренний карман куртки. Идти летом по жаре в куртке - это жуть с ружьем, но внутренние карманы в ней были жизненно необходимы: оборотни перекидываются вместе с одеждой, и все, что в карманах или на поясе, превращается вместе с ними. А вот рюкзак с собой не унести. Никаких боккенов, шестов и прочего Николай с собой не брал: все равно в открытую схватку с противником вступать нельзя, а если уж придется драться, то эта троица сторожей все равно ляжет за время горения одной спички.

Дорога обратно заняла еще меньше времени, чем в первый раз: большую часть пути парень проделал по дороге, и лишь в полукилометре от деревни сошел с нее, и, перекинувшись росомашой, бодро потопал по известному уже маршруту. Судя по хаю, что подняли собаки в других дворах, кто-то куда-то уже лез, и, похоже, наследил. Впрочем, сейчас это было к лучшему: к лаю собак посторонних обязательно присоединятся и соседние собаки, и в этой какофонии распознать, где кто лает и почему, будет практически невозможно.

Сам Николай, все еще в росомашьем облике, пролез через ту же дыру в заборе, уже здорово раскопанную еще и одной из собак. Сторожа, судя по голосам, переговаривались где-то в стороне. Одна из собак, почуяв чужака, сунулась к лазу, но росомаха зарычала на нее так, что бедный собачен ломанулся жаловаться к хозяину, а сама росомаха, пользуясь переполохом, шмыгнула в сарай с курами, где, обернувшись человеком, парень забрался по балкам наверх, где и пересидел несколько минут, пока один из сторожей проверял причину собачьей истерики. Теперь следовало выждать некоторое время, пока сторожа успокоятся, и прокрутить в голове дальнейшие действия. Парень не был уверен, есть ли в амбаре-штабе окна на втором этаже, и открыты ли они сейчас. Это было самой большой проблемой и самым слабым местом в плане парня. Впрочем, всю недостающую информацию ему могли любезно и почти добровольно предоставить сами сторожа.

Когда очередной шум-гам во дворе стих, Николай аккуратно спрыгнул на пол, загоя гая удар от падения, и снял с пояса флягу с водкой. Первым делом, он набрал около трети клизмы крепкой самогонки, затем - добрал до полной клизмы воды и взболтал, чтобы перемешать содержимое. Получился раствор с содержанием алкоголя около 15 процентов. Спасибо деду, указал в тетради, что чистую водку лить нельзя ни в коем случае: в алкогольных клизмах обычно вообще используют

десятипроцентный раствор, все, что выше - уже перебор и есть риск передозировки. Николай, зная, что у него самогон не сорок, а примерно шестьдесят градусов, мог лишь очень приблизительно вычислить содержание алкоголя в растворе. Риск был велик, и стоило предупредить мастеров о том, чтобы они проверили ситуацию потом...

Как только клизма была готова, Николай достал из кармана мешочек с пшеном и высыпал его в кормушку к петуху, после чего щедро полил зерно самогонкой из фляги. После этого, примостив клизму так, чтобы она была вне досягаемости курей и не на виду, снова забрался под потолок. Оставалось ждать. А ждать пришлось недолго: петух и несколько кур бодро склевали пропитанное алкоголем зерно и вылакали остатки самогонки. Куры вырубались, что с них взять-то, а петух оказался покрепче, да еще и с характером, и, как любой пьяный дуралей, начал буянить: закукарекал как на последний рассвет в жизни, и попытался взлететь под потолок, чтобы достать Николая, то ли чтобы выгнать из курятника, то ли чтобы выбить добавку. Ну а дальше все было логично и предсказуемо: деревенские жители хоть и помогали мастерам монастыря, может что и не за так, но свое хозяйство важнее, и если в курятнике начал твориться бардак, то кто-то пойдет проверить. Вот один из охранников и зашел посмотреть, какая блажь напала на петуха. А увидев спящих непробудным сном наседок и неадекватного петуха, бедный "мафиози" удивленно застыл на пару секунд, а большего Николаю было и не надо. Спикировав сверху на "охранника", и за его же счет в этот раз погасив силу падения, Николай сбил паренька на землю, несильно долбанул ментальной магией, просто приводя на несколько секунд в состояние прострации, взял одну руку деревенского в несложный захват, а другой резво спустил с охранника штаны. Далее в дело вступила вышеупомянутая клизма с алкогольным раствором. Принцип прост: проходя через прямую кишку, алкоголь всасывается неимоверно быстро, и не проходит через печень, которая, собственно, разрушает большую часть выпитого алкоголя. Именно поэтому опьянение наступает почти моментально, а дозировка должна быть минимальной: усваивается почти весь введенный алкоголь. Николай запоздало подумал, что можно было бы использовать кляп вместо ментального удара, но было поздно, сделанного не воротишь. Теперь - только вперед, точнее, натянуть штаны обратно на селянина и развернуть бедолагу лицом вверх. Выглядел паренек помято, но уже начинал адекватно мыслить: ментальный удар прошел без последствий, удивление уступало место страху, а алкоголь начинал действовать быстро, но не за считанные секунды. Пришлось правой рукой вновь взять кисть бедного "охранника" в захват, а левой зажать парню рот, чтобы не завопил раньше времени. И только теперь Николай воспользовался ментальной магией на полную катушку: коснувшись щупом ментальной энергии аджны китайца, Николай быстро проник в его воспоминания, все еще свежие, увидел, как паренек помогал готовить амбар к вторжению, как на втором этаже установили комод с "письмом", хоть и не увидел, как туда что-то клали, как на всех дверях изнутри ставили ниточки-растяжки с колокольчиками, которые сам Николай расценил как гранаты. Но ведь выбирать им самим нужно было, и не через дверь, иначе сами бы свои же растяжки и порвут. Вот и здесь они вылезли из окна второго этажа по приставной лестнице. Лестницу убрали, а вот окошко не закрыли...

Прекратив ковыряться в памяти паренька, Николай даже не стал подменять ему воспоминания, нечего вредить сверх меры. Просто внушил уже начавшему пьянеть китайцу мысль, что сейчас спеть и сплясать - просто отличная идея. После этого осталось только вылить остатки самогонки из фляги на грудь и подбородок китайцу, чтобы запах алкоголя добавил картине реалистичности. Теперь - лишь вновь

перекинуться росомарой, спрятаться в углу и наблюдать.

А результат себя долго ждать не заставил: к затихающему кукареканью петуха добавились пьяные, и уже бессвязные вопли сторожа. Естественно, отец со вторым сыном вломились в курятник, пытаясь понять, что здесь происходит. Их глазам предстала картина, достойная палаты в дурдоме: спящие беспробудным сном куры, засыпающий, но все еще пытающийся кукарекать петух (после полудня-то), и пьяный в стельку сторож, бывший буквально пару минут назад абсолютно трезвым. Глава семьи сам умел и любил выпить, так что признаки распознал безошибочно, но все вместе складывалось в настолько сюрреалистичную ситуацию, что он вместе со вторым сыном впали в ступор. Будь второй сын оглушенным или связанным, все было бы понятно, но эта ситуация была слишком нестандартной, чтобы "переварить" ее в мгновение ока.

А росомаре только того и надо было. Выскочив наружу, зверек подбежал к дереву, росшему рядом с амбаром, там перекинулся в человека, благо превращение уже занимало лишь несколько секунд, и резво полез вверх. Забраться максимально высоко, сколько держали ветки, оттуда прыгнуть и уцепиться за край крыши для мастера боевых искусств - не проблема. Подтянуться вверх и забраться на крышу - тем более. Дальше - лишь сориентироваться по сторонам света, точнее двора: ориентиры в виде жилого дома и курятника относительно открытого окна на второй этаж известны. Искать чердачный люк на крышу долго, да и он был "заминирован" наравне с дверьми, поэтому, пока никто не сориентировался, спуститься на вытянутых руках, пропуская через сухожилия Ци, задействуя выученную у Юэ технику сухожильных усиления, отпустить краешек крыши и ухватиться руками за подоконник открытого окна, не рискуя порвать себе связки. Дальше - подтянуться на руках и залезть в окно. Внизу нарастал шум: похоже, собаки сбежались на крики главы семейства, и сейчас вся семья решала, что же им делать. А Николай бегом подскочил к комоду, открыл его, пытаясь высмотреть нужное письмо... и получил в лицо щепотку перца. Все бы ничего, но он попал еще и в глаза. Пришлось просто выливать себе на лицо остатки воды из бутылки, промывая глаза, прятать бутылку и с руганью забирать клятое письмо. Попался-таки под самый конец, и хорошо еще, что здесь был лишь перец, а не снотворный газ или нечто подобное.

Проморгавшись и хорошенько потеряв снаружи нос, после чего высморкавшись, Николай задумался о том, как отсюда выбираться. Сразу нужно было думать, вообще-то, но времени на подробное составление плана с запасными отходами и точками эвакуации не было. Аккуратно выглянув в окно, Николай увидел мечущихся под окном собак и мечущихся по двору охранников. Ну да, тревогу уже подняли, чего и следовало ожидать.

"Вторая ошибка", отметил мысленно Николай, "надо было сразу оглушить обоих". Задание уже можно было считать проваленным: часового нашли, тревогу подняли, и сейчас здесь должна быть дивизия охраны. Хорошо еще, что и деревенские оппоненты не дотягивали даже до охраны ларьков, и сейчас метались внизу, не зная, что делать. В итоге, отец с трезвым сыном, взяв по собаке, начали обходить амбар и проверять замки на дверях. Сперва Николай удивился, почему они сразу не понесли пострадавшего в деревенский лазарет, но по тому, как глава семейства взвешивал в руках битую, понял, что "охранники" просто решили вместе с братом доставить в лазарет и диверсанта.

Дождавшись, когда оба охранника скроются за углами здания, Николай вылез из окна, спустился сколько смог на вытянутых руках, держась за подоконник, и лишь после этого спрыгнул вниз, вновь гася удар, группируясь в падении и делая страховку назад. Ну а дальше - перемахнуть через забор, пока собаки, услышав

шум, рванулись к нему, перекинуться росомаром, и через дворы, где ускользая от собак, где пугая их, выскользнуть за деревню, перекинуться человеком и со всех ног побежать в монастырь. Оставалось надеяться, что серьезного разбора полетов не будет: при всех косяках, что допустил Николай, ему диверсию не зачтут. И уже когда парень был на монастырской площади, он вспомнил про еще одну допущенную им ошибку: забытую в курятнике клизму.

Ли Сяоцань

Сяоцань присвистнул, услышав задание. Ничего себе! Это ж дело для опытного разведчика или ловкого вора, но не для начинающих. И 12 часов на то, чтобы проникнуть туда, где тебя точно ждут, и утащить неизвестно что неизвестно откуда! Впрочем, "откуда" было стало известным: Тео выдал парню четкие указания о местонахождении сарая, где лежал документ. На какой-то миг Ли подумал, что ему повезло: указанный сарай был с краю деревни.

Но когда он увидел охрану вокруг, то мысли о везении мгновенно пропали: сарай охраняли, как Форт Нокс. Пара охранников обходили поочередно небольшое строение, кроме того Ли углядел еще и зловещего вида пса в наморднике, бдительно нюхавшего воздух. С дерева, на котором парень устроил себе наблюдательный пункт, было отлично видно почти всю деревню. Издали донесся собачий лай: кто-то из его соучеников уже приступил к заданию. Ли горестно вздохнул.

Самым простым казалось перекинуться и пробраться в сарай в виде лиса, но один вид собаки отбивал это желание. На дереве Сяоцань просидел около двух часов, когда двое охранников устало устроились в тенечке, перестав ходить по кругу, а пес вытянулся рядом с ними. Солнце постепенно набирало силу, к полудню стало откровенно жарко. Ли, одетый в светлые брюки и футболку, чувствовал, как ему припекает спину. Каково было охранникам, наряженным в кожу, обмотанным черными банданами, он и подумать не хотел.

Сяоцань соскользнул с дерева. Ему в голову внезапно пришла идея! Среди его вещей никаких косух не водилось, но он точно знал, кто ему одолжит похожую. Друг и правда не отказал, выдал Ли требуемую куртку и кожаные брюки. Парень обмотал голову черной тряпкой, натянул одолженную одежду, взял с собой бокен, вымазал лицо грязью, типа "спецназ в деле" и вялой походкой в открытую потащился к "своему" сараю. Конечно же, охранники его заметили, вскочили, пес гавкнул и замолчал, недоуменно обнюхивая пришельца.

Но теперь Ли не боялся, что тот опознает в нем чужака: одежда приятеля отлично провоняла травкой, типа конопли. В монастыре не приветствовали наркотики, и как тот умудрялся выращивать свою траву в комнате, выдавая ее за помидоры, Сяоцань понятия не имел. Пес, учуявший коноплю, отвернулся. Ли не казался ему чужим.

- К вам уже приходили? - осведомился он у охраны.

- Нет пока, ждем.

- А к нам да. Так что я закончил, - вяло сказал Сяоцань, усаживаясь в тенечке. - Попить найдется?

Один из охранников сунул ему флягу. Ли отпил несколько глотков.

- Ты расскажи, как было дело? - спросил он.

Сяоцань отмахнулся:

- Да ерунда, идиот попался. Полез прямо в сарай.

- Как прямо? Ученик самого Тео и прямо в сарай?!

"Ага, так значит мастер приготовился по полной программе", - сделал про себя вывод Ли. - "Хорошо хоть эти ребята не его ученики, а действительно жители деревни".

- Ну не прямо. Смотри. Вот представь, что я - это шпион.

Сяоцань поднялся на ноги, тряхнул флягой, плеснула вода.

- Встань тут. Я тут стоял, - он показал на дверь. - А ты, - махнул он второму, - за угол спрячься. Типа, он тут один.

Второй охранник с готовностью отправился за угол.

- Вот он подошел с краю, - Ли демонстрировал все, что говорил. - Плеснул в собак водой...

- В собак?

- Так у нас два пса было, это у вас один.

- И у нас два, - перебил его охранник, - просто менять будем его через час.

- А, понял. Хорошая идея, но у нас они оба бегали. Так вот, плеснул в собак водой с какой-то снотворной фигней, собаки вырубались спать. Спать, я сказал! - приказал он псу, добавляя мысленно энергетический посыл вожака стаи, как его учил когда-то учитель Сюэли.

Пес послушно лег и захрапел.

- А этот тип подкрался к двери и оглушил моего напарника.

Сяоцань сделал вид, что бьет охранника у двери боком.

- Падай давай, вот тут, ложись.

Охранник с удовольствием улегся поперек двери.

- Вот. Дальше он дверь открыл, вошел внутрь. Колокольчик зазвенел, он дернулся, обернулся, а я из-за стены на шум выглянул... Выглядывай! Вот. Видишь? Увидел его, но трогать не стал. Просто дал ему пройти, типа он такой ловкий. Пошли, покажу.

Второй охранник вместе с Сяоцанем пошел в дом. Ловушки, настроенные на постороннего, спокойно дали пройти местному, пусть и с чужаком. Но не один же, значит, тоже свой. Они вместе спустились в подвал, Ли ткнул пальцем в сторону стола.

- Он дальше документ вытащил, а я все снаружи ждал его.

Охранник включился в игру и, автоматически следуя жесту Ли, выдвинул ящик. Взлетело облако черного перца, охранник расчихался, Ли подскочил к нему, ткнул его пальцем в нужную точку на шее, тот обмяк, Сяоцань подхватил тяжелое тело, не давая ему упасть на пол, аккуратно уложил мужчину, вынул из стола документ, сунул себе во внутренний карман куртки, продолжая говорить:

- Он тоже вот так чихал, потом полез обратно, топал, как слон. Вылез, к двери направился...

Молодой человек дошел до двери, здесь уже ждал первый охранник, с нетерпением желавший услышать конец истории.

- Я как размахнулся, да как врезал ему! - Ли с размаху опустил бокен на голову охранника, тот молча рухнул. - Вот и он так упал. Я его в дом затащил, дверь прикрыл и пошел себе докладывать мастеру Тео, что с делом мы управились.

Ли проделал все, что сказал, спокойно вышел за ворота, прошел несколько шагов спокойно, потом кинулся бежать так быстро, как только мог. Остановился он лишь у ворот монастыря, пытаясь отдышаться. Впервые в жизни ему удалось по-настоящему применить лисьи наговорные чары! Заворожить людей! Он опустил на землю, тяжело дыша, сердце колотилось в горле. Ли с трудом поднялся на ноги, пошел к себе в комнату, переделался обратно в светлые брюки и футболку, вылакал целый кувшин воды и отправился сдавать задание мастеру Тео.

Ломэхонгва

Ломэхонгва вовсе не мнит себя великим шпионом — более того, совершенно в себя как в шпиона не верит, — но попытаться принять участие в особом мастер-классе ей интересно. Тем более, наравне со взрослыми. Девочка постоянно так и выполняет задания в монастыре, наравне со взрослыми, и даже не всегда делает это хуже всех, так что и сегодня, наверное, имеет смысл попробовать. А если и не получится — что ж, наказывать и расстреливать за отсутствие успехов Тео не обещает.

Так что можно смело дерзать.

Получив задание и конкретные ориентиры на "штаб врага", Ломэхонгва начинает с того, что возвращается в свою комнату и разувается, оставляет там надетую было на занятие обувь. Изначально девочка думала, что в обуви ей будет проще, но теперь задание выворачивается таким углом, что девочка видит: нет, обувь только помешает, босиком будет проще и тише. Затем девочка снова идёт в мастерскую и там некоторое время размышляет, какое бы подручное средство ей с собой взять. Предчувствие говорит, что идти в деревню руками будет не лучшей идеей, а у маленькой индианки есть привычка безоговорочно доверять своим предчувствиям. Лучше всего Ломэхонгва, пожалуй, владеет длинным боевым шестом. Но тащить с собой огромный длиннющий шест, который заметно выше неё, кажется девочке совсем уж неудачной идеей. Ещё Ломэхонгва теперь может слегка воевать тессеном — но только слегка, так тоже много не навоюешь. В конце концов от оружия девочка совсем отказывается и берёт с собой только верёвку, которую несколько раз обматывает вокруг пояса. Верёвка — вещь полезная, скорее всего, пригодится, а если нет, так ею можно и не пользоваться, мешать она не будет.

Самое лёгкое — это добраться до деревни: несмотря даже на босые ноги, Ломэхонгва уверенно и пружинисто шагает по горным тропинкам, ходит босиком она далеко не в первый раз, это для девочки уже привычное дело. Сложности начинаются уже в самой деревне. Ломэхонгва очень рассчитывала на то, что для неё найдётся достаточное количество кустов, можно даже не очень раскидистых, в которых субтильная девочка сможет спрятаться, но не тут-то было. Кусты, раскиданные по деревне зелёными пятнами, можно по пальцам рук пересчитать. И уж конечно, они не ведут к нужному Ломэхонгве сараю — с другой стороны, как раз возле нужного сарая один раскидистое дерево есть, на нём при желании три девочки уместиться могут, а одна, так и вовсе растворится. Теперь нужно только до него добраться.

Ломэхонгва ныряет в ближайший к ней куст за миг до того, как расхаживающий рядом местный житель, явно патрулирующий этот участок, обернётся, надёжно спрячется в глубине ветвей, припадает к земле и начинает тихо просить о помощи. Голова наливается странной тяжестью и начинает кружиться, но не лишает способности соображать и действовать. Ломэхонгву словно кто-то подталкивает, и девочка поднимает глаза — чтобы увидеть дрожащий на окне дома поодаль солнечный блик.

Очень-очень похожий на золотую птицу.

Девочку снова как будто кто-то подталкивает — теперь это похоже на приказ бежать вперёд, и Ломэхонгва подчиняется, не раздумывая даже, стараясь только двигаться как можно тише. Золотая птица, которая девочке наверняка только чудится, но

чудится так вовремя и так чётко, помогает дойти до нужного сарая, ловко указывая места, которые на короткое время становятся для охранников слепыми зонами. Рядом с нужным сараем дерево удачно стоит совсем рядом с окном на втором этаже, которое даже не закрыто и изредка лениво хлопает ставнями. Это удача, удача в чистом виде, Ломэхонгва взбирается на дерево, ловко перемещается по веткам, потеряв осмотрительность, тянется к окну — и в этот миг налетевший порыв ветра хлопает створками окна, и одной из створок девочка с размаху получает в лицо.

Ломэхонгва приседает, зажимая ладонью разбитый нос, и оседает обратно, снова прячась в ветвях. Сперва девочка пытается дождаться, когда остановится кровь, но это очень долго, и так её могут найти — чем дольше маленькая индианка остаётся на одном месте, тем выше такая вероятность, Ломэхонгва это чувствует чуть ли не кожей. Ещё бы не чувствовать, ей кажется, что она на этом дереве торчит напоказ как на заборе. И потому, продолжая зажимать ладонью разбитый нос, помогая себе только одной рукой, предпринимает вторую попытку залезть в окно.

На этот раз всё проходит куда удачнее, и Ломэхонгва мягко спрыгивает в комнату. Пол скрипучий, но под ногами лёгкой девочки скрипит не слишком громко. Стараясь ступать как можно мягче и угадывать менее скрипучие половицы, Ломэхонгва спускается в подпол, открывает ящик с документом — и ещё раз получает в лицо, на сей раз — зарядом чёрного перца.

Вдохнуть перец у девочки толком не получается — она по-прежнему закрывает рукой лицо, зажимая разбитый нос, и это в каком-то смысле опять удача в чистом виде. Сунув документ под обматывающую пояс верёвку — ну вот и подручное средство пригодилось, правда, не так, как от него ожидаешь — Ломэхонгва торопливо начинает выбираться, практически повторяя свой путь внутрь, снова обращаясь к фиолетовой чакре и выискивая указывающую путь золотую птицу. В этот раз дорога идёт сложнее, за девочкой остаются отмечающие её перемещения маленькие капельки крови, да и вообще, она со своим разбитым носом наследила так, что незамеченным её визит не останется точно, хорошо хоть, пока не попалась. И ещё за Ломэхонгвой увязывается пёс — некрупный, и, видимо, поэтому хозяева легко оставляют его без намордника, но для девочки укус даже некрупного пса — это всё равно укус, а ещё пёс легко может залаять и тем самым выдать, где индианка прячется.

Ломэхонгва до последнего надеется, что пёс отцепится, но здесь ей уже не везёт. Пёс следует за ней до самых ворот деревни и даже суётся за девочкой в тот куст, в котором Ломэхонгва прячется перед тем, как сделать последний рывок и окончательно выбраться из деревни. У пса опасно дрожит приподнятая верхняя губа, он вот-вот то ли зарычит, то ли залает, выдав, где прячется девочка, успокоить его не получается никак, и Ломэхонгва делает то, на что никогда бы не осмелилась, будь перед ней хоть немногим более крупная собака — наваливается на пса грудью и заталкивает ему в пасть кулак, мешая лаять. Пару раз пёс всё же успевает гавкнуть, потом начинает задыхаться, и Ломэхонгва крепко держит его, стараясь не шевелиться, пока рядом ходит деревенский житель, не успевший понять, откуда донёсся короткий лай.

Когда патрулирующий улицу охранник наконец отворачивается и снова отходит в другой конец улицы, Ломэхонгва отпускает полузадушенного пса — ей очень-очень

жаль, что пришлось так сделать, но другого выхода она тогда попросту не увидела — и на четвереньках выбирается из куста, двигаясь к деревенскому лазарету, где должны дежурить мастера, которым девочка очень хочет показать свою ободранную собачьими клыками руку, но в первую очередь — конечно же, своё пострадавшее лицо.

Васил Цепеш

Кажется, местные мастера решили устроить настоящие боевые учения. "С условиями, приближенными к боевым", как, обычно, вещали с экранов новостных передач, когда рассказывали о военных, которые, конечно, готовы служить и защищать Родину от любых угроз. Наставники Линь Ян Шо тоже, очевидно, хотели защищать стены древнего монастыря, и поэтому были готовы натаскивать своих учеников, как генералы - подчиненных им солдат.

Задание выдавал мастер Тео Чун, которого, если честно, Васил видел в первый раз. Это не имело значения, Цепеш вообще большую часть времени проводил в библиотеке или на занятиях, и, как следствие, наставников видел редко. Исключения составляли некоторые мастера, занятия которых он старался не пропускать, вроде все той же Шэн Бо или собственного куратора.

Кстати о задании. Было оно весьма специфическим, и Васил с трудом себе представлял, чем ему (насквозь мирному и вообще белому и пушистому) могут понадобиться навыки диверсанта и вора.

Однако раз уж назвался учеником Линь Ян Шо, то, уж будь добр, полезай в пасть к льву. Ну, собственно, Васил и полез.

Конечно, полез он не сразу. Совсем не сразу. Ведь главное в любой диверсионной операции, что? Правильно - разведка. Вот Цепеш и решил никуда не торопиться, а пойти в деревню и хорошенько все осмотреть. Ему на руку играло то, что в деревне этой частенько бывали чужие - многие приходили в поисках Линь Ян Шо, другие - просто по своим делам, а сам Васил еще не успел примелькаться, поэтому мог с легкостью ходить между домов или заявиться в бар, между делом задавая местным общие вопросы.

Вообще, то, на что больше всего рассчитывал Цепеш - усталость. Васил предполагал, что крестьяне, которых мастер Тео подрядил на роль "врагов" для своих учеников, вовсе не являются воинами, и не особо горят желанием весь день бдительно охранять никому ненужные бумажки. Значит, если наставник Чун особо не оговаривал этот момент (а Цепеш верил, что тот не оговаривал), тогда Васил сможет просто прикинуться одним из его новых помощников, объяснить недалеким крестьянам, что так мол и так, "испытание закончилось, кто хотел его пройти, давно прошли, так что лично вы можете быть свободны. А бумажка, которая вам больше ни к чему, еще может понадобиться, так что вынесите, будьте добры, ее и передайте мне лично в руки. Ага. А еще вот тут подпишите," - для такого дела, Васил даже некое подобие официальной бумажки с красивыми иероглифами готов был изготовить. По прикидкам румына план мог сработать, если что-то не пойдет не так. Вот будь у него хоть зачатки ментальной магии, парень бы обязательно попробовал. Но вот без этой самой магии, могло и не получиться. Риск был очень велик по одной единственной причине: у него не было никаких доказательств того, что он - действительно помощник Тео, а не один из его учеников, которые собираются бедных и несчастных крестьян обокрасть.

Так и шатался Васил по барам, по улицам да и вообще по деревне, пытаясь придумать план получше, но пока ничего не получалось.

Второе, на что румын мог рассчитывать - другие ученики, уже прошедшие это испытание. От них Васил хотел получить еще больше информации: кто конкретно охраняет, как охраняет, зачем охраняет? Есть ли какие-то дополнительные сложности или "подводные камни", о которых мастер Чун "позабыл"? А что такие будут румын не сомневался - уж больно хитрая морда была у китайца.

К сожалению, пока Цепешу не везло. Некоторые, кто прошел испытание, были ему не знакомы, другие - слишком торопились, чтобы обращать внимания на собрата-ученика, к третьим он подходить не стал уже сам. В результате, в бесплодных попытках отыскать хоть какие-то зацепки, и придумать хоть какой-то план, пролетело еще несколько бездарно потраченных часов.

Однако, в конце концов, Васил нашел, что искал. И звали это "что" Николай Триколенко. Славянин, который был первым, кого встретил румын в монастыре, относился к Цепешу как... не знаю... младшему товарищу? Наверное. Поэтому, никаких проблем с обращением к нему не возникло, и Коля без утайки рассказал обо всем, что с ним происходило, и как он выполнил задание наставника Чуна.

Конечно, способ, который выбрал Николай, румыну не подходил категорически. Прежде всего потому, что последний не обладал теми способностями, которые были у младшего мастера. Однако, кое-что важное Васил все-таки узнал.

Во-первых, он был прав в своих предположениях: профессиональных охранников тут нет - одни крестьяне. А значит, в теории, сквозь них можно было просто пробиться. Да, кого-то могут и покалечить, кто-то явно будет очень недоволен полученными тумаками, но в теории это было возможно. Цепеш был весьма уверен в своей способности справиться с несколькими необученными крестьянами, а собаки, по уверению Николая все были в намордниках, так что особой опасности не представляли.

Во-вторых, прав был Васил и в том, что мастер Чун о многом умолчал. В том числе и о ловушках. Некоторые из которых были весьма подлыми: взять хотя бы последнюю с перцем. Этот перец навел Цепеша на определенные мысли, так что парень отправился в монастырскую столовую, благо до завершения задания оставалось еще часов пять, и у него было время подготовиться.

В-третьих, самое важное: ученики вообще и Николай в частности успели вывести некоторых крестьян из строя. Васил предполагал, что в небольшой деревне все друг друга знают, а, значит, и на несчастья, обрушившиеся на одного из жителей деревни, реагируют сообща. На этом можно было сыграть, хотя Цепеш пока не очень понимал, как.

Так или иначе, пока он, вместе с Николаем, шагал в сторону монастыря, план в его голове обретал все более и более отчетливые очертания. Тем более, что дорога была неблизкой, и времени подумать у него было предостаточно.

Для начала, как и отмечалось, Цепеш заглянул в столовую. Там он нашел целый мешок молотого жгучего перца, и, отыскав небольшие мешочки, переложил туда по щепотке. В результате, у него получились эдакие "перцовые бомбочки", которые можно было эффективно метать на не слишком длинные расстояния, и которые взрывались небольшим темным "облачком" жгучего перца. Попадет в глаза - будет очень неприятно, а в нос - расчихаешься.

После этого, румын направился в свою комнату, и, распаковав набор для каллиграфии, потратил некоторое время, на то, чтобы вывести короткое, но емкое послание на пустом свитке, оперативно "позаимствованном" из библиотеки:

"Податель сего действует от моего имени и по моему приказу."

Мастер Тео Чун".

И печать. Печать, конечно, была вовсе не наставника, а его собственная, но сам факт красного оттиска, отпечатанного на свитке, по мнению Василя, добавлял любой бумажке веса, а подателю - авторитета.

На втором свитке, Цепеш написал еще несколько слов, и спрятал его в карман. Кажется, с записями разобрались.

Дальше надо было заглянуть в лазарет, где румын узнал имена всех крестьян, пострадавших от налетов учеников Линь Ян Шо. Их было немного, и запомнить имена не составило никакого труда.

Наконец, приготовления были завершены, и Цепеш, не без дрожи, постучал в ворота хозяйства, частью которого был интересующий его амбар.

Открыли почти сразу. Устрашающего вида бугай в клоунском наряде, который, вероятно, должен был изображать некоего члена некой преступной банды, зыркнул по сторонам, окатил ученика Линь Ян Шо неприязненным взглядом, и процедил, сквозь сжатые зубы:

- Чего надо?

Васил с трудом сдержался от того, чтобы сразу не съездить кулаком по щербатой морде. Однако подавил гнев, и, изобразив на лице высокомерие, развернул недавно собственноручно созданный свиток.

Бугай устоял на каллиграфически выведенные иероглифы, почесал затылок, другой рукой постукивая декоративной битой по бедру. Снова окатил Цепеша взглядом:

- И?

Пришлось закрыть глаза, глубоко вздохнуть и досчитать до десяти.

- Меня прислал мастер Чун, - пояснил он, когда посчитал, что сможет справиться с голосом. - Вы в курсе, что некоторые члены семьи Танг пострадали в ходе этих... учений? В частности... секундочку...

Васил вытащил из-за пазухи блокнот, делая вид, что читает:

- Танг Мин и Танг Сюэ... Вам известны эти имена?

- Ага, - крестьянин явно не догонял, чего от него хотят.

"Надо было считать до двадцати!"

- Они сейчас в лазарете, состояние довольно тяжелое. Там не хватает рабочих рук, - продолжал реализовывать свой план Цепеш, подавляя растущее раздражение. - Мастер Чун попросил прислать двух человек, чтобы помочь целителям.

- Но я не могу отправить двух, - запротестовал бугай. - Я и мой сын - единственные, кто охраняет дом... Если я отправлю двоих, то не смогу выполнить задание мастера Чуна!

- Тогда отправьте одного, - пожал плечами Васил. - Мне все равно.

Крестьянин задумался. Румын мысленно считал. На этот раз до тридцати.

- Откуда я знаю, что это не уловка? - наконец, выдал что-то дельное местный. - Что ты просто не пытаешься меня обмануть?

Цепеш снова пожал плечами. Как можно равнодушнее:

- Можете рискнуть, и не посылать никого, - произнес он. - Повторю: мне все равно. Только подпишите тут, подтверждая, что я к вам приходил, дабы у меня было оправдание перед мастером. Остальное уже не мое дело.

Крестьянин снова задумался. Потом позвал второго "охранника", очевидно, сына:

- Чэнь, сходи в лазарет, - приказал он, все еще подозрительно глядя на Василя. - Только сначала выпусти собак.

Сын кивнул, и бегом отправился вглубь двора. Цепеш проводил его равнодушным взглядом:

- Подпишите? - попросил он, протягивая очередную, почти пустую бумажку. - Вот тут.

Крестьянин проворчал что-то невразумительное, но подпись поставил. Росчерк обычной шариковой ручки, на красивом, стилизованном под старину свитке, выглядел очень негармонично, но румыну было плевать. Главное, он дождался сына, который, окатив ученика Линь Ян Шо подозрительным взглядом, побежал в сторону лазарета.

Васил, тем временем, кивнул, и пошел в противоположном направлении. За его спиной крестьянин-отец закрыл ворота на засов с внутренней стороны.

Хотелось ругаться. Если бы сын не задержался, выпуская собак, а побежал в лазарет сразу, Цепеш бы без раздумий атаковал, а так он вовсе не был уверен, что справиться с двумя рослыми крестьянами. Придется чуть-чуть подправить план.

Обойдя хозяйство сбоку, Цепеш воровато оглянулся, и, убедившись, что никто его не видит, в два прыжка перемахнул через невысокую ограду. Короткая пробежка, и вот он уже у стены ближайшего здания, судя по всему - хлева. Изнутри доносились не самые приятные ароматы, и Васил надеялся, что выпущенные во двор собаки, не учуют его запах среди них.

Он ошибся. Ближайший пес зарычал, и быстро потрусил в его сторону. Второй, заинтересовавшись, последовал примеру товарища. Цепеш подпрыгнул, подтянулся, оказываясь на крыше. И когда две сторожевые собаки подошли ближе, метко метнул приготовленные "перцовые бомбочки" им в морды. Расстояние было небольшим, собаки - злыми. Они попытались перехватить брошенные в их сторону мешочки, очевидно, забыв о намордниках. В результате облачко жгучего перца окутало их морды, и псы, скуля, кинулись прочь. Васил быстро соскочил с крыши и укрылся за задней стеной хлева.

Хозяин двора прибежал довольно быстро. Он попытался помочь своим собакам, но те, ощущая раздражение глаз и чувствительного носа, метались по двору, то и дело спотыкаясь и душераздирающе поскуливая. Обеспокоенный крестьянин попытался собак поймать, оказавшись в опасной близости от притаившегося Цепеша, так что в какой-то момент румын быстро поймал неудачливого охранника в захват. Тот захрипел, пытаясь вырваться, но Васил держал крепко, все туже сжимая шею крестьянина. Вскоре тот начал терять сознание от недостатка воздуха, и Цепеш поспешил мужика отпустить. Убедившись, что с хозяином двора все в порядке и что он вскоре придет в себя, румын облегченно вздохнул и уже не таясь направился в сторону нужного ему амбара.

На двери висел замок. Васил выругался, вернулся к крестьянину, обыскал бессознательное тело, заодно придав ему более удобное положение. Ключ нашелся довольно быстро, и Цепеш аккуратно открыл дверь, опасаясь неожиданностей.

Надо сказать, что несколько довольно остроумных ловушек крестьяне все же подготовили, но все они должны были не остановить нарушителя, а предупредить охрану. А о последней западне с перцем Василиу рассказал Николай, так что румын был готов. В результате, Цепешу понадобилось всего несколько минут, чтобы получить необходимые документы.

Облегченно вздохнув, Васил вышел во двор, краем глаза заметив, что и охранник и собаки уже почти пришли в себя, кинулся через ограду.

Еще через полминуты, он уже был на тропинке, ведущей к Линь Ян Шо. Следовало поторопиться: отведенные двенадцать часов почти подошли к концу, и Васил прибавил шаг.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Здание Чуна Тео противоречило той подготовке, которую получал Сонгцэн в монастыре и в кланах. Он знал, что диверсии зачастую куда эффективнее открытого противостояния, но не обучался тем навыкам, которые могли сейчас помочь ему незаметно влезть в какое-то хранилище и достать там документы.

Его ориентир находился едва ли не в центре деревни, и туда нужно было добраться в светлое время суток. Сонгцэн направился в сторону деревенского рынка с сумкой, перекинутой через плечо, которые нередко носили дежурные из монастыря, отправляясь за покупками. Он подошел к одной из палаток, приценился к наборам ниток, затем к следующей и затерялся в толпе покупателей, которых в первой половине дня было особенно много. После этого он незаметно прошмыгнул между двумя палатками к складу, где некоторые из торговцев хранили свой товар. Сонгцэн пробрался на плоскую крышу, скрытую верхушками яблоневых деревьев, и оттуда смог найти взглядом здание, куда ему предстояло проникнуть. Он заметил, что по дороге мимо амбара шла какая-то шумная семья, и лег на крышу плашмя, чтобы его не смогли заметить. Во дворе раздалось тихое рычание. Так рычат сторожевые псы, которые привыкли нападать, а не брехать на прохожих. Хорошо, что удалось заметить заранее.

Сонгцэн стал дальше наблюдать за зданием и увидел, что там на крыше находились двое довольно крупных сторожей. Они иногда ходили и смотрели по сторонам, а потом по очереди спускались. В кожаных куртках жарким летним днем жарко подолгу стоять на солнце. Охранники говорили на тибетском, и Сонгцэн хоть и слышал обрывки разговора, когда ветер дул в его сторону, не понимал почти ничего. До того момента, пока не расслышал, что один из них вызвался сходить за водой. Второй остался, но смотрел в основном в сторону дороги, что вела от рынка. Действовать нужно было сейчас, только вот сторожевой пес был где-то на участке. Сонгцэн прополз по крыше к той части склада, которая ближе всего находилась к забору, окружавшему амбар. А за забором были сложены мешки с мусором. Он свесился с крыши, прячась за ветвями, затем создал в ладони небольшой огненный шар, которым запустил в мешок, заполненный сухой листвой и ветками. Почувствовался неприятный запах горящего полиэтилена, повалил дым, а Сонгцэн поспешил переползти к тому месту, откуда удобнее спускаться в сторону амбара. Кто-то из прохожих закричал, стал звать остальных, стала собираться толпа, обсуждавшая, как погасить мусор, и кто мог бросить окурок в листву, а пес рванул к забору, чтобы рычать на толпившихся поблизости чужаков. Даже охранник с крыши поспешил на помощь. Пусть Сонгцэн и был уверен, что горящий мусор у каменного забора на дороге не опасен для деревни и рынка, торговцев это происшествие могло напугать. А грабить нужно во время пожара.

Сонгцэн спрыгнул с крыши на забор, затем за колючий кустарник, скрывавший его от остального участка, пока не добрался до двери, на которой висел замок. Сонгцэн его внимательно осмотрел. Заметил колокольчик, но также и то, что замок был открыт. Он осторожно снял замок с одной из петель, затем проник за дверь и прикрыл дверь, чтобы на первый взгляд охранникам показалось, что дверь закрыта, а замок на месте.

Дальше нужно было действовать быстро и тихо, но пол под ногами все норовил

скрипнуть, лестница шаталась, и каждое движение приходилось вымерять по десять раз. Сонгцэн спустился вниз и нашел стол, в котором должны были быть документы. Он открыл ящик, но ему в лицо полетело облачко перца, и принц Кобр зажмурился, уперся языком в небо перед зубами, а потом почесал кончик носа, пытаясь побороть желание чихнуть всеми возможными способами. Удалось. Сонгцэн взял документы, сунул их в сумку, затем поспешил вверх, избегая скрипящих ступеней и досок пола. На улице все еще был слышен шум.

Когда Сонгцэн уже был уверен, что справился, потому что почти достиг забора, пробираясь за кустами, он услышал рычание за плечом – собака его все-таки заметила. Наверное, принц Кобр никогда прежде не бегал с такой прытью, но он рванул в сторону забора и перемахнул его, буквально вбежав по вертикальной стене, с трудом сгруппировавшись в тот момент, когда падал на землю с противоположной стороны. Он поднялся на ноги, затем увидел какую-то женщину, тащившую ведро с водой. И подорвался ей помогать. Но вода уже не понадобилась – мешок с мусором был потушен, и только ворох горелой листвы, едкий запах паленого полиэтилена и начавшая разбредаться толпа свидетелей подтверждали о происшествии.

Сонгцэн выбрался из деревни и отправился обратно в монастырь, чтобы отдать Тео документы. Он подумал, что был прав, проследив за охраной, и устроив ложную тревогу, но ему повезло, что охранники не вернулись на пост сразу, как возникла нештатная ситуация, и что удалось убежать от пса, который мог как минимум поднять шум. И в том, как Сонгцэн прошел испытание сегодня, он видел больше удачи, чем своих правильных решений.

Юншэн Лю

Юншэну было интересно, что за испытание придумает Чун Тео. Тот не был мастером монастыря, зато много работал с отцом в Пекине, и лучше многих знал о том, что реально могло понадобиться в охоте на людей Асаки. И Юншэн с энтузиазмом воспринял задание, которое ему предстояло выполнить. Он заранее знал, как сможет с ним справиться, оставшись незамеченным. Приходилось залезать на склад, когда все было очень опасно и по-настоящему.

Но сначала нужно было добраться до деревни и найти то место, откуда предстояло воровать документы. Не вызвав особых подозрений, потому что жителям деревни вряд ли понравится, что жители монастыря учатся забираться в их дома и незаметно воровать в деревне.

Поначалу Юншэну повезло – он увидел тибетца, который тащил пару тяжелых мешков в нужную ему сторону, и охотно вызвался помочь. Он вежливо выслушал рассказ спутника о том, что на рынке удалось купить рис по хорошей цене, потому что один из торговцев переезжает в город, и хочет быстрее распродать товар. Юншэн занес мешок, куда ему показали, затем вышел на улицу, которая шла между двумя каменными заборами, и разглядел нужное ему здание. Из-за угла показалась старуха, которая вела двух маленьких детей, что-то им рассказывая. Стоило ей скрыться, показалась группа шумных подростков – Юншэн никак не мог остаться на улице один. А за забором еще и послышался басовитый лай собаки, поэтому пришлось пройти мимо и уйти ни с чем, чтобы не вызывать подозрений.

Юншэн зашел на почту, затем заглянул в чайный дом, на выходе из которого увидел уже знакомого ему тибетца, которому помогал тащить рис. Теперь этот человек шел в сторону своего дома с тяжелой корзиной, только Юншэн уже не думал ему помогать, а рассчитывал на ответную услугу. Он зашел за угол чайного дома, и выбрался оттуда уже в зверином облике.

Коралловый аспид скользнул под крышку корзины, которая оказалась наполнена покупками, и среди них было немало специй в неплотно закрытых пакетах. От такого многообразия запахов змея терялась, и Юншэн уже был не рад, что выбрал именно такой путь в сторону нужного здания. Если тибетцу нужно было зайти еще куда-то, или он не поставит корзину, открывая калитку, приключение могло быть и вовсе неудачным. Присутствие в окрестностях Лхасы американской змеи не могло не привлечь внимание.

Но Юншэну все же повезло: тибетец шел домой, и на некоторое время поставил корзину с покупками на землю, пока возился с проволокой, на которую была закрыта калитка. Аспид выбрался из корзины и уполз в сухую траву противоположного забора. Но впереди были новые сложности: Юншэн очень плохо ориентировался в зверином облике. Он с трудом понимал, в каком направлении продвигаться, и долго ползал вдоль забора, пока не обнаружил довольно большую трещину, в которую удалось пробраться.

Пес его не заметил, и в этом всем участникам повезло, потому что Юншэн не знал, что охранник участка в наморднике, а зрение рептилии не дало бы ему это разобрать. Змея забралась по тонкой вишне, росшей у стены амбара, затем пробралась в щель под крышей и спустилась внутрь, оказавшись в темном помещении, наполненном множеством новых запахов. Аспид был достаточно легким, чтобы доски под ним не скрипели, и чтобы удалось бесшумно перемещаться по амбару, только толку от этого было ноль: так Юншэн не мог разобраться, куда идти.

Он перекинулся обратно и осмотрелся. Заметив лестницу вниз, Лю-младший направился в её сторону, но в этот момент доска под ногой скрипнула и даже, как ему показалось, немного треснула. Над головой слышались шаги, и Юншэн решил вновь принять змеиный облик. Трансформация едва закончилась, когда дверь амбара распахнулась, и человек в черной кожаной куртке стал осматривать помещение. Аспид уполз в угол под валявшуюся там ветошь и свернулся тугими кольцами. Подошел второй охранник, и они внимательно осмотрели все помещение. Один из них спустился вниз, судя по звуку, открыл какой-то ящик, чихнул, но затем сказал, что все на месте.

Когда охранники ушли, Юншэн в зверином облике спустился вниз, затем перекинулся обратно, открыл ящик, отвернувшись в сторону, потому что змея хорошо чужая витавший в воздухе запах перца, спрятал документы под рубашку, и, перекинувшись аспидом вновь, стал выбираться наружу. Он довольно долго карабкался по лестнице, но наверху заметил щель под дверью, в которую удалось выскользнуть. Юншэн выбрался с участка и нашел безлюдное место за забором одного из домов, где вернулся в человеческий облик. После этого он отправился обратно в монастырь, чтобы отдать Тео документы.

Тео Чун

Без жертв, конечно же, не обошлось, но вряд ли кто-то пострадал серьезнее, чем это была пара царапин и заряд перца в лицо. Часть документов вернулась на родину, часть все еще оставалась в деревне, но Тео все равно пришлось ждать отведенные двенадцать часов, чтобы убедиться, что все желающие попробовали себя в разведке уже с заданием справились. Как только часы показали десять, младший из близнецов с облегчением выдохнул и отправился домой, явно не собираясь сегодня спускаться вниз в деревню за теми документами, которые там оставались. Потерпят до завтра, с ними ничего не случится - и ценность свитков он сильно преувеличил. Это были всего лишь навсего копии стратегем, на которых ученики отрабатывали навыки каллиграфии, если бы даже они пропали, монастырь ничего не терял в этом случае.

Мастер-класс закрыт.
